

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ

«Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ» КЕАҚ

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«GYLYM JÁNE BILIM - 2024»
XIX Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XIX Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«GYLYM JÁNE BILIM - 2024»**

**PROCEEDINGS
of the XIX International Scientific Conference
for students and young scholars
«GYLYM JÁNE BILIM - 2024»**

**2024
Астана**

УДК 001

ББК 72

G99

«GYLYM JÁNE BILIM – 2024» студенттер мен жас ғалымдардың XIX Халықаралық ғылыми конференциясы = XIX Международная научная конференция студентов и молодых ученых «GYLYM JÁNE BILIM – 2024» = The XIX International Scientific Conference for students and young scholars «GYLYM JÁNE BILIM – 2024». – Астана: – 7478 б. - қазақша, орысша, ағылшынша.

ISBN 978-601-7697-07-5

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 001

ББК 72

G99

ISBN 978-601-7697-07-5

**©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2024**

China's responsibility and commitment to the world, promoting the construction of a community with a shared future for mankind.

Literature

1. Xi Jinping “Persisting in Promoting the Construction of a Community with a Shared Future for Mankind”, Central Literature Publishing House, 2018, pp. 430, 431, 431. // [web page]: <https://srh.fiu.edu/home/wp-content/uploads/2023/11/Issue-3-1-The-One-Belt-One-Road-Initiative-and-Chinas-Strategic-Construction-of-International-Organizations1.pdf>
2. Central Party History and Documentation Research Institute: "Xi Jinping Talks about "One Belt, One Road"", Central Literature Publishing House, 2018, pp. 13, 15.// [web page]: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-12/11/c_1123838247.htm
3. Xi Jinping. Speech at the Dunhuang Academy Forum [J]. Qiushi, 2020 (3): 3-4. [web page]: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136282982.htm
4. Andrea A. J. “Asian Review of World Histories”, The Asian Association of World Historians, 2014, pp. 105-127. // [web page]: https://www.researchgate.net/publication/263626260_The_Silk_Road_in_World_History_A_Review_Essay
5. Aris S. “One Belt, One Road: China’s vision of “connectivity”, Infinity Press, 2016, pp 195. // [web page]: https://www.researchgate.net/publication/332570564_One_Belt_One_Road_initiative_A_Revolution_on_Regional_and_Global_Development

УДК 327. 8

ГИБРИДНЫЕ УГРОЗЫ В АРКТИКЕ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Парахатов Тимур Муратович

parakhatovtimur@gmail.com

магистрант факультета международных отношений

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Научный руководитель – Г.М. Какенова

Арктика на данный момент является одной из геополитических плоскостей, в котором нет чёткого территориального разделения, а международное право лишь регламентирует разделение сфер влияния на основе договора ЮНКЛОС, что актуализирует вопрос об угрозах конфронтации в данном регионе [1]. Арктика обладает широкой ресурсной базой и в процессе межгосударственной гонки за ресурсы, учитывая высокие цены на энергоносители и возникающие энергетические кризисы в Европе, государства проявляют все больший интерес к Арктическому региону. Информация полученная с помощью статистического метода, метода изучения документов и других доктринальных инициатив, даёт нам чёткое видение современного состояния взаимоотношения государств в вопросе раздела сфер влияний в Арктике. С 1920-х годов в результате Парижских соглашений о Шпицбергене Арктика получила статус «ничейной земли» [2], и все территориальные споры разрешались на основе тяготения территории Арктики к прибрежным зонам государств и дальнейшим расширением суверенитета в зонах Арктики.

Современное состояние взаимоотношений государств в Арктике представляет собой сложный мозаичный образ, оказывающий влияние на различные аспекты безопасности, экологии и экономики в регионе. Анализ этого взаимодействия с учетом доктринальных документов и стратегий государств-участников Арктического совета, а также их наблюдателей, позволяет

выявить ключевые тенденции и перспективы. Основной тренд развития взаимоотношений в данном регионе на данный момент основывается не только на вопросах, возникающих в пределах Арктического региона, но и всего мира. Кризис во взаимоотношениях между Россией и Украиной оказывает влияние на геополитическую карту Арктического совета, в соответствии заявлению председателя совета, Леоны Аглюккак, от апреля 2014 года. В этом заявлении отмечается, что Канада отказывается участвовать во встрече на уровне рабочих групп в Москве из-за якобы российской незаконной оккупации Украины и продолжающихся провокационных действий в Крыму и в других местах. Тем не менее, Канада выражает намерение продолжить поддерживать важную работу Арктического совета [3].

Ранее такие действия были предприняты Норвегией, которая отменила визит министра окружающей среды в Москву в марте 2014 года. Этот визит предполагал обсуждение вопросов трансграничного загрязнения из-за металлургического комбината в Мурманской области, планируемое расширение природного заповедника "Пасвик" и условия работы экологических организаций[3].

США, Канада и другие приарктические страны прекратили не только экологическое, но и другие формы сотрудничества с Россией, включая все запланированные совместные военные учения и дружественные визиты в морские порты. Министры обороны пяти стран Северной Европы обсудили возможности расширения военно-политического сотрудничества в Тромсё (Норвегия), реанимируя так называемое северное "мини-НАТО" [4]. В условиях недоверия и высокого риска проявления конфронтационных случаев в Арктике возникают угрозы, при которых разделение секторов Арктики на отдельные сферы интересов государств становится труднодоступной задачей.

Арктический Совет, созданный в 1996 г. в рамках сотрудничества государств в вопросах раздела Арктики, способствует разрешению экологических и территориальных вопросов, при этом не обладая правовым статусом. В 2011 г. было принято «Соглашение о сотрудничестве в области авиационного и морского поиска и спасания в Арктике», в 2013 г. «Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения готовности и реагирования на загрязнение морской среды нефтью в Арктике» и, наконец в 2017 году - «Соглашение о расширении международного научного сотрудничества в Арктике». Данные три договора являются обязательными для всех участников Совета и несут в себе лишь только начальный формат правового раздела Арктики. Примечательно, что после 2017 года не были приняты никакие другие соглашения при усиливающихся экологических проблемах Арктики. На данный момент в Арктике сохраняется статус-кво, основной вектор политического соперничества перешел на российско-украинский конфликт и конфликт в Ближнем Востоке.

При изучении доктринальных документов государств особое внимание необходимо обратить на российскую стратегию в Арктике, особенно в контексте морских границ, подробно раскрытую в государственных документах, таких как "Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года" [5] и "Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года" [6]. Эти документы являются ключевыми ресурсами для понимания стратегии России в Арктике. Согласно им, Россия стремится к увеличению своей континентальной полки в Арктике, что становится важным элементом обеспечения национальной безопасности и ресурсного потенциала региона. Процессы арктического расширения морских границ, включая поднятие вопроса о продлении Континентального шельфа, входят в стратегию России по обеспечению контроля над значительными областями северных морей. Эти шаги выражают не только стремление к гарантированному доступу к природным ресурсам Арктики, но и укреплению российского влияния в регионе. При этом, Россия выстраивает свою политику в соответствии с принципами международного права, поднимая вопросы о продлении границ на основе научных данных и исследований. При этом такие страны как, Канада и Дания, в свою очередь, также

активно защищают свои территориальные интересы в Арктике, что также отражено в государственных стратегических документах. Например, "Арктическая стратегия Канады"[7] выдвигает претензии на Северный полюс и сосредотачивается на обеспечении суверенитета в северных морях. Это становится потенциальной платформой для конфликтов с Россией.

Дания, в свою очередь, фокусируется на Арктическом архипелаге, включая острова Гренландия и Фарерские острова. Ее стратегия подчеркивает важность управления ресурсами и суверенитета в арктической зоне. Территориальные претензии Дании могут становиться причиной напряженности в отношениях с Канадой и другими соседними государствами в регионе.

Таким образом, территориальные амбиции России, Канады и Дании в Арктике оказывают влияние на динамику региональных взаимоотношений, поднимая вопросы о границах, территориальной интеграции и управлении природными ресурсами. Соответственно, эти аспекты требуют внимательного анализа и координации с учетом принципов международного права и диалога между странами-участниками Арктического Совета.

Арктика становится театром геополитического соперничества, при этом государства готовы к применению подходов к укреплению своих позиций с помощью элементов гибридной войны. Причиной, по которой Арктика является особым пространством, сопряжены в первую очередь с ресурсным потенциалом данной территории, отсутствие четкого правового статуса раздела сфер интересов, экстремальные погодные условия и чрезмерно низкая плотность населения в данном регионе. Крайний пункт ограничивает вариации использования элементов гибридной войны, оставляет лишь пространство для использования гибридных угроз, с связанных информационно-технологическим потенциалом государств, искажением и оспариванием ранее принятых соглашений, увеличением военного присутствия, а также с экономическим давлением.

Арктическая национальная политика США от 2009 года содержит в себе направление по ослаблению экономической целостности Северного Морского Пути. Основой для данного реализации данного плана является в первую очередь попытка интернационализации торговых путей в Арктическом регионе [8]. Усилия США будут направлены на военное присутствие в регионе для обеспечения региональной безопасности. При этом Национальная стратегия 2013 года для Арктического региона направлена на реализацию директивы 2009 года. С момента принятия Национальной стратегии 2013 года, активное развертывание военных единиц на территории Арктического региона США начинается как в рамках индивидуальной стратегии, так и в рамках коалиционного характера НАТО.

Исследователь А. Бартош отмечает, что намерения США исходят из интересов экономического характера. Стратегия США вокруг Арктического региона основана на обеспечении энергетической безопасности, то есть освоении ресурсного потенциала Арктики для дальнейшего укрепления экономического состояния в рамках нестабильности геополитических взаимоотношений с экспортерами энергоресурсов и высокими ценами на нефть и газ. Шаги, которые предпринимаются Вашингтоном являются поэтапным распространением своего влияния посредством использования информационной войны с последующим переходом на использование кибернетических возможностей США [9]. В своих дальнейших исследованиях А. Бартош, основываясь на анализе Национальной стратегии США для Арктического региона, предполагает, что США в рамках укрепления своих позиций в Арктике используют свой военный потенциал. Наряду с усилением военных приготовлений усиливается и давление на Россию в дипломатической и разведывательной сферах. Активизируется деятельность спецслужб США и их союзников по НАТО в приграничных районах Арктики и приграничных районах РФ. Помимо военных сил и средств, в разведке участвуют также норвежские научно-исследовательские суда. Используются различные международные неправительственные организации. В первую очередь, речь идет об экологических организациях, таких как Greenpeace International, функционировавшей на платформе «Приразломная» нефтяной компании «Газпром». Организаторы акции призвали остановить буровые проекты в Арктике. По их мнению, это и

экологически опасно, и экономически бесперспективно. Присутствие иностранных исследователей привлекает внимание в некоторых районах островов Новой Земли и в каньонах Белого моря, где Россия проводит испытания атомных подводных лодок. Также А. Бартош отмечает, что Норвегия ищет возможности изменения демилитаризованного статуса Шпицбергена и разрабатывает концепцию использования своих вооруженных сил в арктическом регионе [10]. Доказательством данного предположения является тот факт, что в рамках документа «Дорожная карта для Арктики 2014-2030» США увеличивает военное присутствие и закрепляет конкретные цели и задачи ведомств ВМФ США [11].

Целью США является не только контроль вокруг своего территориального шельфа в 200 миль, но и распространение своего влияния дальше своих законных территорий, для защиты национальных интересов. Под защитой национальных интересов подразумевается попытка изменения существующего секторального разделения Арктики в пользу США с использованием поддержки государств блока НАТО, а также интернационализация Северного Морского Пути для вывода одного из ценных торговых путей из-под влияния России с целью ослабления экономических позиций России. Для России же Северный Морской Путь является не только торговым путём мирового масштаба, но и системой внутренней логистики, связывающей Дальневосточные территории с Западными областями России. В связи с этим, Россия также намерена защитить свои внутренние и внешние интересы на своих территориях в соответствии со Стратегией развития Арктической зоны России на период до 2020 г. [12].

В целом, конфликты интересов, связанные с освоением арктических ресурсов, как правило, усиливаются, параллельно усилиям по перекавалификации Северного морского пути в качестве международного транспортного коридора и интернационализации арктических проливов. Западные эксперты активно обсуждают вопросы гибридной угрозы в Арктике, по их мнению, исходящей от России. Так, например, утверждается, что Россия применяет в качестве инструмента гибридных войн свои кибернетические ресурсы, информационное сопровождение и угрозой присутствия ядерных подлодок в Арктическом регионе. Основные обвинения западных авторов в адрес России звучат лишь в содержании кибератак на систему здравоохранения, городской администрации, в попытке кибератак на электронные избирательные системы Арктических государств [13]. В своей статье датский исследователь Андрея Остеген отмечает, что российские хакеры всячески пытаются взломать системы безопасности на полярных исследовательских базах Норвегии, совершают кибератаки на электронные системы разведывательных миссий по поиску и исследованию ресурсной базы Арктики. Звучат обвинения в использовании гражданских сил в шпионаже на военных базах стран НАТО и попытках перехвата разведывательных данных иностранных военных ведомств [14].

По результатам исследования российских и зарубежных источников можно с уверенностью утверждать, что информационная война в рамках гибридной войны в Арктическом регионе все более набирает лавинообразный характер. Информационная и кибервойна на театре гибридной войны в Арктическом регионе идёт полным ходом, сопровождаясь провокационными утверждениями обоюдного характера. При этом в попытках сдерживания агрессии применяются военные единицы, а также проводятся военные учения.

В современном мире вопросы, связанные с Арктикой, становятся все более актуальными и важными для международного сообщества. Геополитическое значение региона продолжает расти, привлекая внимание различных государств и акторов международной политики. В этом исследовании изучались различные аспекты геополитических конфликтов в Арктике, включая национальные стратегии, территориальные амбиции и использование элементов гибридной войны. Государства-члены Арктического совета стремятся укрепить свои позиции в регионе, что может привести к напряженности и конфликтам. Использование элементов гибридной войны в арктическом регионе создает дополнительные проблемы для международной безопасности. Информационные кампании, экономическое давление, военное присутствие: все эти методы

могут быть использованы государствами для достижения своих целей в регионе. Такие действия могут привести к росту напряженности и конфликтов, что может оказать негативное влияние на стабильность и безопасность в Арктике. Арктический совет представляет собой форум для обсуждения общих интересов и решения общих проблем. Стратегии развития, основанные на устойчивом использовании ресурсов и учете интересов всех сторон, могут способствовать мирному сосуществованию и процветанию в регионе. Стабильность и безопасность региона зависят от способности стран-участниц разрешать свои разногласия посредством дипломатии, сотрудничества и уважения международного права.

Список использованных источников

1. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (ЮНКЛОС). 1982. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf
2. Жудро И.С. О модернизации международно-правовой концепции обоснования внешних границ континентального шельфа Российской Федерации в Арктике // Международное публичное и частное право. 2015. № 6. См. также: Жудро И.С. Международно-правовое обоснование границ арктического шельфа Российской Федерации. Дисс. ... д-ра юрид. М., 2019. 479 с.
3. Ottawa upbraids Russian envoy, skips Arctic Council meeting over Ukraine. Apr. 15 2014. URL: <http://www.theglobeandmail.com/news/politics/ottawa-upbraids-russian-envoy-will-skip-arctic-council-moscow-meeting-overukraine/article18032205/>
4. Присматривать за полярными медведями и русскими. Юрий Лукин, д.и.н., профессор, директор НОЦ «Институт Арктики» 20 января 2011 года. URL: http://narfu.ru/aan/arctic_news/look_russia.pdf
5. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. 2014 год. <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic2035/>
6. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. От 28.06.2014 г. http://www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic_strategy/
7. Canada's Northern Strategy. Our North, Our Heritage, Our Future / Government of Canada, Ottawa, 2009, 48 p;
Canada's Arctic and Northern Policy Framework. URL: <https://www.rcaanccirnac.gc.ca/eng/1560523306861/1560523330587>
8. Directive on Arctic Region Policy January 9, 2009. National Security Presidential Directive/NSPD66. <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2008-book2/pdf/PPP-2008-book2-doc-pg1545.pdf>
9. Арктика превращается в театр мировой гибридной войны. А. Бартош. 2023 г. https://nvo.ng.ru/concepts/2023-11-23/1_1263_arctic.html
10. Гибридная война в Арктике. А Бартош. 2018 г. <https://nic-pnb.ru/vojny-konflikty-voennoe-stroitelstvo/gibridnaya-vojna-v-arktike/>
11. The United States Navy Arctic Roadmap. Task Force on Climate Change, 2014, February. info.publicintelligence.net/USNavy-ArcticRoadmap.pdf
12. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. 2008 год. <http://static.government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf>
13. Countering Russia's Hybrid Threats in the Arctic. Katarina Kertysova and Gabriella Gricius. August 2023. www.europeanleadershipnetwork.org/wp-content/uploads/2023/12/23_11_22_Countering-Russias-Hybrid-Threats-in-the-Arctic15_ES_EK40.pdf

14. The Arctic after Russia's invasion of Ukraine: The increased risk of conflict and hybrid threats. Andreas Østhagen – May 2023. www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2023/05/20230510-Hybrid-CoE-Paper-18-Arctic-after-Ukraine-WEB.pdf

UDC 327

HUMANITARIAN CRISES: IMPACT ON INTERNATIONAL RELATIONS

Ryskaliyeva Aidana,

aidanaryskaliyeva@gmail.com

Yelshibay Akmaral

akmaralkim95@gmail.com

Bachelor students of the Faculty of International Relations,
L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
Supervisor – D. Akhmedyanova

Humanitarian crises, in this interconnected world, have become not just urgent matters of global concern but also significant drivers of international relations. In recent times, the world has witnessed devastating consequences of such crises in regions such as Syria and Gaza, where displacement and human suffering have become daily features of people's lives. As the world develops with the complexities of these crises, understanding their implications for international relations is paramount. By examining the impact of these crises on international trends, we seek to present the relations of geopolitical interests and humanitarian imperatives that shape the global response to such crises.

While the term “humanitarian crisis” is frequently used in different works, there is no universally agreed-upon definition. In simple terms, a humanitarian crisis can be described as a situation in which the removal of aid would lead to a sudden increase in both death rates and illness [1]. It may include human-made disasters such as armed conflict, forced displacement, and refugee crises, as well as natural disasters like hurricanes, earthquakes, floods, and droughts. Additionally, significant infectious disease outbreaks can also contribute to humanitarian crises. These crises have severe impacts on human lives, leading to a range of hardships such as lack of access to clean water, healthcare, and food insecurity. The situations in Syria, and Gaza have been chosen as the main hotspots of humanitarian crises in 2024, in accordance with both conflict and geopolitical theories. Conflict theory underscores power dynamics, inequalities, and resource competition as pivotal in societal conflicts [2]. Geopolitical theory, on the other hand, underscores external actors' role in prolonging and complicating conflicts for strategic interests, as seen in Israel-Hamas and Syria. These conflicts, characterized by displacement, severity of crises, global attention, and complexity, share commonalities. Subsequent paragraphs delve into each crisis individually.

Israel-Hamas War

The humanitarian situation in Gaza prior to the conflict was already severe, exacerbated by decades of blockade imposed by Israel [3]. The situation has exacerbated on October 2023, when Hamas, Palestinian militant group, launched attacks on Israel.

Almost 80 per cent of Gazans have been displaced with the recent escalation plunging Gaza into an unprecedented crisis, with shortages of basic necessities such as food, clean water, and medical supplies reaching critical levels. The blockade has left Gazans without access to essential services, while the control of power stations by Israeli troops has resulted in widespread electricity shortages, further jeopardizing the well-being of the population. Latest casualty figures from Gaza reveal a devastating toll on the civilian population. At least 32,070 people have been killed, including over 13,000 children and 8,400 women, with more than 74,298 injured. In the occupied West Bank, at least 442 people have been